Иван Панаев

Благонамереннейший господин

Очерки из петербургской жизни

Иван Панаев

Благонамереннейший господин

«Public Domain»

1840

Панаев И. И.

Благонамереннейший господин / И. И. Панаев — «Public Domain», 1840 — (Очерки из петербургской жизни)

«Представляю читателю кое-какие наблюдения, сделанные мною в последнее время. Из этих наблюдений в моей фантазии составился очерк целого лица… Лицо это, впрочем, не новое. Таких лиц много не в одном Петербурге. Лица эти, вообще довольно неподвижные и бесцветные, пришли в движение, приняли особенный колорит и заговорили громко только в последнее время, вследствие некоторых обстоятельств, потревоживших их блаженное существование…»

© Панаев И. И., 1840
© Public Domain, 1840

Содержание

* * * 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Иван Иванович Панаев
Благонамереннейший господин

* * *

Представляю читателю кое-какие наблюдения, сделанные мною в последнее время. Из этих наблюдений в моей фантазии составился очерк целого лица… Лицо это, впрочем, не новое. Таких лиц много не в одном Петербурге. Лица эти, вообще довольно неподвижные и бесцветные, пришли в движение, приняли особенный колорит и заговорили громко только в последнее время, вследствие некоторых обстоятельств, потревоживших их блаженное существование… Я не дам никакого имени моему воображаемому лицу. Пусть каждый из читателей дает ему имя того из своих знакомых, который по характеру, образу воззрения, привычкам и разговорам будет подходить к нему. Его даже можно бы, пожалуй, назвать героем, но только никак не героем нашего времени, потому что он с ужасным ожесточением, почти с пеной у рта, нападает на наше время и вообще на так называемый дух времени, говоря, что этот дух выдуман выскочками, мальчишками, либералами, людьми зловредными, нахватавшимися безнравственных идей…

Для большей ясности я должен прежде всего познакомить вас с биографией моего воображаемого лица, или, говоря вернее, с его послужным списком… От роду ему шестьдесят три года, он из дворян, служил сначала в военной службе, в сражениях не был, из полка переведен в комиссариатское ведомство, дослужился до генеральского чина, родового имения – ни одной души, благоприобретенных – тысячу пятьсот; два года перед сим уволен по прошению от службы… Наружность его очень обыкновенная, такого рода господ встречаешь у нас сплошь и рядом: рост средний, сложение тучное, лицо полное и круглое, глазки маленькие и заплывшие, зеленоватого цвета, нос плоский, губы толстые – признак доброты, волосы белокурые с проседью, небольшая лысина; голос резкий, манеры величественные, совершенно генеральские… Он пользуется большою любовию, как своих знакомых, так и сослуживцев, которые считают его прекраснейшим, добрейшим и благонамереннейшим господином… Вследствие этого и я буду также звать его благонамереннейшим господином…

Но чтобы читатель не заподозрил меня в личности и не подумал, что такой формулярный список действительно существует, я покорнейше прошу его придать моему лицу какую угодно физиономию… Он легко может быть пожилым господином, с прекрасным орлиным носом, или сладеньким старичком с накрашенными бровями и бакенбардами, в завитом паричке и с неизмеримым лбом… для меня это совершенно все равно, внешняя оболочка ничего не значит, дело в сущности. Он может вместо благоприобретенных 1500 душ иметь родовых – 300, 500, 600, сколько угодно, более или менее… И я вовсе не поставляю непременным условием, чтобы он был на службе в комиссариате и за два года перед сим был уволенным по прошению от службы… Дело не в этом. Оговорившись, я спокойнее продолжаю: Мой благонамереннейший господин получил воспитание в корпусе… в каком, это для читателя все равно… учился он, собственно, не для приобретения знаний, а для того, чтобы поскорей выскочить в офицеры. Вышел он в армию, но вскоре переведен в гвардию, не столько за усердие к службе, сколько за величайшую способность угождать начальству, за строгую подчиненность и примерную нравственность. Нравственность эта заключалась в неумолимой строгости относительно подведомственных ему лиц, в раболепной мягкости относительно тех, от которых он зависел, в аккуратности и в безусловном поклонении всем служебным и общественным преданиям. Благонамереннейший господин не рассуждал сам и не позволял рассуждать другим. Никогда ни малейшая мысль не тревожила его головы, и никогда ни малейшее сомнение не колебало

его. Сомнение в чем бы то ни было он почитал делом безнравственным и преклонялся перед каждым фактом, как бы этот факт ни был несправедлив, если только он опирался на предания. В капитанском чине он был переведен в комиссариатское ведомство и, действуя на основании предания, не противореча ни в чем принятым обычаям, легко приобрел себе ордена, чины, души, любовь и уважение своих сослуживцев, своего семейства (ибо он богател с каждым годом) и своих сочленов по клубу (ибо играл по большой).

После службы и хозяйственных распоряжений главным его занятием были карты. Чтением он не занимался, говорил вообще мало, но иногда одушевлялся, когда разговор касался нравственности или патриотизма… В таких случаях он обыкновенно бил себя в грудь, ударял кулаком по столу и восклицал коротко и ясно: «Тот, кто не патриот, тот просто никуда не годный человек!»…Свои хозяйственные дела он вел примерно и с каждым годом делал какие-нибудь улучшения в своем благоприобретенном имении: выстраивал новый флигель, или баню в готическом вкусе, увеличивал сад, украшал храм божий и тому подобное. Семейство его, состоявшее из жены и двух дочерей, летом всегда проживало в деревне; сам же он приезжал туда на короткое время, потому что служебные обязанности не позволяли ему оставаться долго в деревне.

В часы отдохновения от карт и службы любил он иногда поговорить о своих дворянских достоинствах и преимуществах и не скрывал своего отвращения к другим классам, не признавая ничего общего между дворянином и человеком просто… В человеке не благорожденном (благорожденные, по его мнению, были только дворяне) он не признавал ни возвышенного ума, ни замечательных способностей, ни чувства чести, и однажды, когда при нем один престарелый дворянин-стихотворец задал глубокомысленный вопрос: «Почему в наше время не пишут хороших стихов?..», а другой дворянин, из молодых, шутя отвечал: «Оттого, я полагаю, что нынче больше пишут не дворяне», – то мой благонамереннейший герой, несмотря на то, что вовсе не интересовался поэзией, пришел в такой восторг от этого ответа, что обнял отвечавшего, расцеловал его и воскликнул: «Дельно и правда!» В другой раз, когда кто-то сказал ему, что один профессор на лекции объявил, что дворяне отличаются от простых людей тем, что родятся с белою костью, – герой мой обнаружил желание познакомиться с этим профессором, несмотря на то, что не питал большого уважения к этому званию…

Да не подумает дворянин-читатель, что я подсмеиваюсь над чувствами дворянского достоинства. Сохрани меня боже от такой преступной мысли!.. Я был бы в отчаянии, если бы кто-нибудь вздумал заподозрить меня в том, что я не принадлежу к этому почтенному и привилегированному сословию… Но я искренно желал бы для собственной пользы этого, так сказать, передового сословия, чтобы оно поглубже понимало свои обязанности, свой долг и умело бы возбуждать уважение к себе в других сословиях исполнением этого долга, принося вовремя некоторые личные жертвы в пользу общего… «Noblesse oblige».

Но оставим это лирическое отступление и будем продолжать рассказ.

Мой благонамереннейший господин слыл образцовым хозяином, потому что умел извлекать всевозможные выгоды из своих крестьян и при этом свои сады и парки, устроенные домашними средствами, содержал в примерном благолепии и услаждавшей глаз чистоте… Я сам восхищался этими садами и парками, китайскими беседками и мостиками, готической баней и прекраснейшим домом с бельведером, на котором торжественно развевался флаг с гербом… Внутри дома – порядок и чистота повергали в изумление… нигде ни пылинки; пол как будто языком вылизан, с каким-то янтарным отливом; все подведено под лак и расставлено под аранжир, или симметрически. Военная дисциплина отражалась на всем… Городская квартира его отличалась такою же чистотою, симметричностию и дисциплиной… Все постановлено было в струнку, и все ходило по струнке…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.